

0-781043

На правах рукописи

ГАСАНОВА
Залина Ибрагимовна

**КАВКАЗСКИЙ ГОРСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ
В ИЗОБРАЖЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА**

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(северокавказские литературы)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Махачкала – 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Дагестанский государственный педагогический университет»

Научный руководитель – кандидат педагогических наук профессор
Коссович Ангелина Петровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Вагидов Абдулла Магомедович
(ГОУ ВПО «Дагестанский
государственный университет»)

доктор филологических наук, профессор
Ахмедов Сулейман Ханович
(ГОУ ВПО «Дагестанский государственный
педагогический университет»)

Ведущая организация – Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы ДНЦ РАН

Защита состоится «9» декабря 2009 г., в 16⁰⁰ часов,
на заседании Диссертационного совета Д 2112.051.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет» по адресу: 367003, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57, 2-й этаж, ауд. № 78,

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет».

Автореферат разослан и размещен на сайте ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет» «9» ноября 2009 г.
Адрес сайта: [www. dgpu. ru](http://www.dgpu.ru)

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000623817

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Гаджиев

Гаджиев Э.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа посвящена исследованию изображения кавказского горского менталитета в русской литературе XIX века.

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной изученностью данной проблемы, нагромождением всякого рода идеологических и историко-литературных мифов вокруг понятия кавказский горский менталитет. Этой теме посвящены некоторые работы, «круглые столы», выступления известных ученых, однако в них не затрагивается глубинная сущность проблемы, преобладает экзотика. Многие исследователи совершенно не критичны, по отношению к горскому национальному характеру, рассматривают его односторонне и поверхностно. Мы должны изучить положительные и отрицательные стороны горского менталитета, причины его негибкости, чтобы адекватно ответить на вопросы, вызванные незнанием национального характера горцев.

В нашей многонациональной России изучение менталитета каждого народа важно, ибо его глубокое изучение и исторический опыт толерантности остановили бы в России наступление национализма и шовинизма, помогло бы решить многие национальные вопросы.

Проблема кавказского менталитета получает еще большую актуальность в свете ложных устойчивых представлений об «азиатской», горской душе, ее якобы природной агрессивности и деструктивности, изображенной в некоторых произведениях русской литературы XIX века и муссируемых в современном мире.

Степень изученности темы. Проблема менталитета стала объектом изучения разных наук – психологии, литературоведения, истории, культурологи, этнографии и т.д. В определении сущности самого понятия менталитет, его структурных элементов и причин формирования сохраняется большая неопределенность, что показали материалы «круглого стола» «Российская ментальность» («Вопросы философии», 1994, № 1).

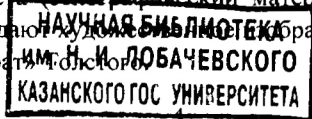
Впервые художественную попытку осмысления горского кавказского менталитета осуществил А.С. Пушкин в поэме «Кавказский пленник». Она носила чисто романтический характер. Русские поэты и писатели XIX века А.А. Шишков, А. Полежаев, А.А. Бестужев-Марлинский, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой продолжали расширять и углублять художественное исследование горского характера. На первом этапе осмысления горского менталитета поступки героев – горцев иницировались, прежде всего, кровной мстью, войной, традициями и т.д., что упрощало психологию, мотивы поведения горцев, которые выглядели крайне абстрактно и схематично.

Среди научной литературы, посвященной изучению кавказского горского менталитета, выделяется труд дагестанского ученого Р.Ф. Юсуфова «Дагестан и русская литература конца XVIII века и первой половины XIX в.» (1964), в котором глубоко исследуются вопросы изображения самобытности горского характера в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского, А. Полежаева, В.И. Даля, М.Ю. Лермонтова. Ему же принадлежит основательная работа «Русский романтизм начала XIX века и национальные культуры» (1970, «Наука»), где рассматриваются некоторые аспекты горского национального характера в свете эволюции романтического метода русских поэтов и писателей 20-30-х годов XIX века.

Горский и русский менталитеты не являются замкнутыми структурами. Их интерпретация в контексте евразийства, художественные результаты столкновения двух стихий – европейской и русской, особенности изображения горского характера в творчестве Бестужева-Марлинского анализируются в труде Л.А. Эмировой и З.Н. Акавова «Кавказская проза А.А. Бестужева-Марлинского: проблемы русского менталитета в евразийском диалоге культур» (2004). В книге убедительно проводится мысль об оригинальном видении писателем сущности русского и горского менталитетов в историческом и культурологическом аспекте.

Распространенной является точка зрения на горцев как на естественнo-стихийные создания природы И.И. Виноградов в своей книге «Духовные искания русской классики» считает, что в поведении Хаджи-Мурата нет никакой стихийности, а есть рационализм и логика, что он – герой рассудка.

В.В. Вересаев придерживается другой точки зрения на характер Хаджи-Мурата, акцентируя внимание читателя на том, что такие герои, как Хаджи-Мурат, Наташа Ростова, интересны Толстому именно своей стихийной сердечностью, бессознательной волей к жизни. Подобная мысль относительно Хаджи-Мурата и других горцев разделяется и И.А. Буниним в книге «Освобождение Толстого». Проблема изображения горского характера в русской литературе рассматривается и в книгах ученого Г.Г. Ханмурзаева («Дагестанская тема в русской литературе XIX века» (1982) и «Русские писатели XIX века о Дагестане»). Автор доказывает, что просветительские взгляды на природу горца не сумели преодолеть ни Шишков, ни Бестужев-Марлинский, ни Пушкин. Большое значение в формировании горского менталитета играет этикет. В этом аспекте наш интерес вызвала книга дагестанского ученого С.А. Лугуева «Культура поведения и этикет дагестанцев XIX – начала XX в.» (Махачкала, 2006). Описания тонкостей норм горского этикета (этнографический материал) из работы Лугуева полностью подтверждают художественное изображение горского этикета в повести «Хаджи-Мурат» Толстого.



Интересны очерки и журналиста Максуда Алиханова «В горах Дагестана», где автор взглянул на духовный мир горцев не глазами туриста, а изнутри – блестящего знатока родственной ему горской души.

Проблема горского менталитета освещалась также в исследованиях А.С. Мельгасовой, Л.П. Семенова, Л.М. Мышковой, в материалах Всероссийской научно-практической конференции «Лев Толстой и Кавказ в контексте диалога культур и времен» (2008), ДГПУ, в статьях Р.Р. Алиевой, Ахмедова С.Х., М.А. Плохарской, Л.В. Мамедовой, М.М. Курбанова.

Объект исследования – поэма А.А. Шишкова «Дагестанская узница», повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек», «Мулла-Нур», а также «Письма из Дагестана» и «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», поэмы М.Ю. Лермонтова «Измаил-Бей», «Хаджи-Абрек», «Беглец», роман «Герой нашего времени», рассказы и повести кавказского цикла Л.Н. Толстого «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат».

Предметом исследования является кавказский горский менталитет в изображении русских писателей и поэтов XIX века, анализ различных факторов, формирующих менталитет горцев (фольклор, мифология, идея судьбы, этикет и т.д.).

Цель исследования - анализ специфики изображения горского менталитета в русской литературе XIX века, выявление различных подходов к изображению горского духовного мира, эволюция художественного воссоздания горской ментальности в произведениях русских поэтов и писателей. Раскрытие поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- провести анализ особенностей романтического изображения горского национального характера в творчестве А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова;
- определить причины мифологизации и романтизации кавказского менталитета;
- выявить роль судьбы, горского этикета, фольклора, ландшафта в формировании духовного мира горцев в русской литературе XIX века;
- сопоставить русский и кавказский национальные характеры в историко-литературном и мифопоэтическом контексте;
- сделать обобщение об особенностях менталитета горцев в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат»;
- исследовать эволюцию художественно-эстетического восприятия горцев русскими писателями и поэтами XIX века.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Историко-культурное и художественное развенчание ложных представлений о горском характере как «естественном», агрессивном.

2. Полное представление о горском менталитете можно получить комплексным анализом многих духовно-исторических факторов (роли идеи судьбы в поведении горцев, фольклора, религии, этикета, кровной мести, традиций и др.).

3. Горский национальный характер во всех его противоречиях, суровой правде изображен в творчестве Л.Н. Толстого, главным образом, в повести «Хаджи-Мурат».

4. Восприятие мира горцами во многом является мифопоэтическим, над горскими персонажами русской литературы XIX века тяготеет власть фольклорно-мифологических представлений.

5. В мироощущении кавказских горцев важную роль играют представления о судьбе, в русской литературе многие персонажи - горцы являются ее жертвами. Видение судьбы горцами многоаспектно, но в нем преобладает безлично-фаталистическое начало.

6. Горский этикет является одним из ключевых факторов регламентации поведения, в нем в скрытой форме отразились нравственные и эстетические представления горцев о человеке и мире.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые исследуется горский менталитет в изображении русской литературы XIX века комплексно, т.е. с точки зрения многих факторов: фольклора, мифологии, религиозных верований, представлений горцев о судьбе, роли горного ландшафта в формировании духовного мира горцев, норм этикета, небальных средств общения.

В работе подробно анализируются горские представления о судьбе в изображении русской литературы XIX века, утверждается, что видение судьбы горцами многоаспектно, в ней преобладает безлично-фаталистическое начало.

В диссертации обстоятельно рассматриваются особенности горского восприятия мира (главным образом в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат»), в котором доминируют мифопоэтические элементы, анализируется толстовское видение горского характера в аспекте восприятия мира сердцем, а не рассудком.

Фольклорные представления играют важную роль в формировании горского менталитета, поэтому в нашей работе большое внимание уделено анализу фольклорных песен горцев в произведениях русских поэтов и писателей XIX века, в том числе и «смертных песен», в которых в наивно-эпической форме отразилось мироощущение горцев, их представления о жизненных и духовных ценностях.

В работе описание гор русскими писателями и поэтами XIX века рассматривается в ином аспекте, чем в традиционном, литературоведческом:

горы проанализированы нами как сакральный объект и важный духовный фактор горской жизни, один из главных архетипов их существования.

Этикет, культура поведения жестко регламентировали поведение горцев, тысячелетиями сложились стереотипы этикетных норм в социальном и личном общении горцев. В диссертации сделана попытка анализа горских этикетных норм в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат», в том числе и проксеимическое поведение горцев.

Теоретико-методологическая база. Теоретико-методологической основой нашей работы послужили идеи российской и зарубежной философской эстетики, литературоведения, изложенные в работах известных ученых – Н.А. Бердяева, А.Ф. Loseва, В.Д. Днепрова, В.Ф. Асмуса, В.П. Горан, В.К. Кантора, Ю.М. Лотмана, Г.-В.Ф. Гегеля, К.Г. Юнга.

Конкретный анализ сущности и структурных особенностей кавказского горского менталитета в русской литературе XIX века опирается на труды литературоведов Р.Ф. Юсуфова, Л.А. Эмировой и З.Н. Акавова, Г.Г. Ханмурзаева, Л.П. Семенова, И.И. Виноградова, и др.

Методы исследования. В работе использованы методы - аналитический, описательный и сравнительно-сопоставительный.

Теоретическая значимость диссертации определяется возможностью ее использования при разработке проблем анализа особенностей изображения человека в творчестве Толстого. Выводы исследования помогут расширить и углубить представления о национальном характере, как в литературоведческом, так и историко-культурологическом аспекте.

Практическая ценность исследования заключается в возможности его использования на уровне литературоведческого исследования, спецкурсов и спецсеминаров на филологическом и других гуманитарных факультетах для его изучения.

Результаты работы могут также использоваться в практике не только вузовского, но школьного преподавания по тематике «Кавказские горы в русской литературе XIX века». Материалы нашего исследования могут принести пользу российскому обществу, послужат серьезным источником для изучения уникальности национального характера (не только горского), помогая формировать толерантные отношения в общении народов многонациональной России.

Апробация исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры литературы Дагестанского государственного педагогического университета, результаты исследования изложены в 5 статьях и в 2 изданиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы диссертации, определяются ее актуальность и научная новизна исследования, рассматриваются степень изученности темы, предмет и объект исследования, методологическая основа, теоретическая и практическая значимость исследования, даются сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава «Политико-идеологический и художественный аспект проблемы» состоит из двух разделов. Здесь рассматриваются художественные результаты столкновения двух разных культур на Кавказе – русской и кавказской – в изображении русских поэтов и писателей XIX века, сравниваются два менталитета – русский и горский.

В первом разделе «Столкновение разных культур на Кавказе и его художественные результаты в изображении русских поэтов и писателей XIX века» подвергаются анализу первые художественные и идеолого-политические впечатления о кавказских горцах. Они четко обозначены в «Сборнике сведений о кавказских горцах»: «Положительных сведений о горцах в нашей научной литературе весьма немного: но и это немногое до такой степени разбросано и смешано с ложными данными и известиями, что, перечитав все это, едва ли можно уяснить себе картину действительного положения горцев»¹. В представлении российского общества Кавказ изображался страной вольной, по дикой, его жители «естественными детьми гор». Эта дихотомия «вольности и дикости» доминантой проходит через многие произведения русской литературы XIX века. В этом аспекте европеизировать «дикого горца» считалось благом, и эти культурно-исторические иллюзии были свойственны и Пушкину, Бестужеву-Марлинскому, Шишкову, и Полежаеву, Грибоедову, Лермонтову. Особенно устойчиво выделялся мотив природной агрессивности горцев. Эти представления способствовали появлению в русской литературе XIX века таких литературных типов, как добрейший, но считающий кавказцев дикарями и разбойниками Максим Максимыч из «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, как капитан из «Аммалат-Бека» А.А. Бестужева-Марлинского, называющего горцев «волчьим племенем» и т.д.

Идеологические и культурологические стереотипы некоторых писателей и поэтов зачастую приходят в полное противоречие с их же художественными изображениями кавказских горцев, т.е. живые образы горцев гораздо реалистичнее и привлекательнее, чем философские и исторические размышления о них.

¹ Сборник сведений о кавказских горцах. В 3-х т. Т.1. Репринт. изд. 1868. Москва МНТЛЮ Адир. 1992.

Во втором разделе «Русский и кавказский национальные характеры в историко-литературном и мифопоэтическом контексте» сравниваются два менталитета – русский и кавказский, выявляются сходства и различия воззрений, противоречия, различное восприятие жизненных и этических ценностей русских и кавказцев. Субъектом изображения обоих менталитетов – русского и кавказского – выступает русская литература, что позволяет нам ставить проблему горского менталитета в другой плоскости – сравнительной.

Русский и кавказский национальные характеры сближаются на почве отсутствия правосознания, коллективистских представлений, Н.А. Бердяев отмечает, что «русский народ» любил всегда жить в «тепле коллектива». Кавказские горцы в изображении русских поэтов и писателей тоже не могут преодолеть «лоно матери» - традиции коллектива и редко осмеливаются на личностные поступки. Горцы очень консервативны в стремлении понять чужую культуру, свой мир им кажется единственно правильным, русские же остро интересуются жизнью и характером горцев. Русский характер весь соткан из крайностей – это явление изучено и изображено русскими мыслителями и писателями Н.А. Бердяевым, Н.О. Лосским, Д.С. Лихачевым, Ф.М. Достоевским и др. Горскому характеру не свойственно подобное явление, наоборот, осмотрительная разумность и терпение в горах считаются признаком мудрости.

Горские персонажи русской литературы XIX века не отправляются в путь в поисках смысла жизни (это происходит только в фольклоре), как русские, скитальчество как духовное явление чуждо горцу. Совершенно различны онтологические представления горцев и русских относительно смерти – важного фактора ментального сознания человека. В русской литературе XIX века процесс ухода персонажей в иной мир и связанные с ним переживания и психологические перипетии изображены обстоятельно (например, в «Войне и мире», в повести «Смерть Ивана Ивановича», в рассказе «Три смерти» и очерке «Как умирают русские солдаты», в «Хаджи-Мурате» Л.Н. Толстого).

Умирают Платон Каратаев, Андрей Болконский, Авдеев – умиротворенные, примирившиеся. Они очень разные, но их всех объединяет общее отношение к смерти. Отношение горцев к смерти – иное. Как яростно сопротивляются горцы в «Хаджи-Мурате», как неистребима в них сила жизни! Они умирают согласно горскому кодексу мужской чести – это эпическая смерть. Это культурный феномен – следствие языческих представлений горцев о достойной смерти.

Русский народный идеал мужчины – пахарь, работник, семьянин. Горский идеал мужчины – воин, джигит, он изображен обстоятельно в творчестве Бестужева-Марлинского, Лермонтова, Толстого.

Многие герои русской литературы XIX века (Онегин, Печорин, Болконский, Пьер Безухов и др.) заняты исключительно поиском духовного дома.

Бросаются в глаза различия между горским и русским менталитетом в области этикетного поведения. Жесткие нормы горского этикета порождали в горах скованность, страх поступить не так, как должно. Различия ментальных воззрений русских и горцев обнаруживаются в отношении дома, семьи, дороги. В русской литературе XIX века дом – дорога является оппозицией, русские герои отправляются в дорогу в поисках смысла жизни и себя. Хронотопная модель существования горцев иная: дорога, ведущая от родного очага, приводит героя в тупик (Аммалат-Бек, Мулла-Нур, Хаджи-Мурат, Азамат и др.). Дорога вдаль в массовом сознании горцев – это несчастье, кризис, тяжелая судьба.

Вторая глава «Горский менталитет в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» ставит целью исследования особенностей изображения кавказских горцев в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Она состоит из 4 разделов.

В первом разделе «Преодоление мифов: особенности восприятия горского характера Л.Н. Толстым в повести «Хаджи-Мурат» анализируется специфика художественно-эстетического видения писателем кавказского горского характера во всех его противоречиях и недостатках.

В толстовской концепции характеров нет деления на хороших и плохих. Следуя ей, Толстой изображает духовный мир горцев как неоднозначный, сложный, лишенный романтики и экзотики. Под пером писателя рушатся все просветительские и романтические подходы к изображению кавказских горцев, которые, как и европейцы, русские, подчинены неумолимым социальным и природным законам.

Неповторимость, непохожесть горцев на другие народы Толстой видит не в генетической структуре личности, а в особенностях типа цивилизации, обычаях, традиций, религии и т.д. Чуткий психолог и художник, Толстой не изображает в горах склонности к насилию. Бессмысленные жестокости творит власть – и русская и горская. В изображении Хаджи-Мурата писатель не прибегает только к черно-белой графике эмоциональных красок, горец полон противоречий. Так, жестокость и противоестественность содеянного Хаджи-Муратом Толстой передает в пронзительной сцене гибели казака Петракова. В других эпизодах повести Хаджи-Мурат мягок, чуток, лиричен и благороден. Толстой считает, что сокровенная тайна жизни скрыта в инстинктах и эмоциях, но обязательно нужен и оп-

ределенный разумный самоконтроль. Этот синтез чувственного и нравственного и нашел Толстой в дорогом ему образе Хаджи-Мурате. В обрисовке горских характеров Толстой полностью преодолевает всякого рода стереотипы и мифы. Мы не заметим в повести «Хаджи-Мурат» пресловутой «азиатчины» и «хищничества» горцев, наоборот, оплотом насилия и разбоя является «цивилизованная» европейская царская власть.

Изображая горские характеры, Толстой никогда не смешивает два понятия – «звериность» и «скотство». В горской «звериности» кипит огонь жизни. В горах писатель увидел не отталкивающую его все время чистую плоть и материальность, а первозданную энергию бытия, не осознающую себя, поэтому особенно трогательную и поэтическую. Эстетическая концепция Толстого при изображении горского характера опирается на принцип естественного здоровья как олицетворения силы жизни. Привлекательность и полноту духовного мира горцев писатель подчеркивает своей излюбленной деталью – описанием глаз. У Хаджи-Мурата «быстрые черные глаза», Элдар смотрит «красивыми бараньими глазами», «Юсуф с такими же жгучими, как у бабки Патимат, черными глазами». Черные глаза – не просто этнический атрибут, они подвижны и полны жизни. Такой же полнотой жизни обладают и «блестящие глаза».

Горцы воспринимают мир не метафизически, а эстетически, т.е. как представление. Эта своеобразная форма восприятия мира не сквозь призму рассудка, а, прежде всего сердца – типичная черта ментального сознания горцев, духовный космос которых полон энергии, мифологичен и магичен.

Мотивация поведения в горах у Толстого очень сложна, поступки горцев не всегда диктуются традиционными мотивами – кровной мезьью, традициями и т.д., но подчинены своим, зачастую не осознаваемым законам внутренних эмоциональных и психологических процессов в человеке.

В данном разделе рассматривается и изображение кровной мести Л.Н. Толстым. Если до него кровная мезь изображалась в русской литературе XIX века как признак исключительности горских нравов, не без налета романтизма, принцип дикий, но справедливый, то кровная мезь в изображении Толстого – признак дегуманизации личности, одна из форм зла, решительно отвергаемая им, ибо духовный опыт Толстого не воспринимал мезь в человеческих отношениях вообще. В повести «Хаджи-Мурат» это скрытое осуждение убийства выражено писателем в сценах смерти Авдеева, Элдара, сына Садо, конвойных казаков и самого Хаджи-Мурата.

Второй раздел «Речевые особенности горцев в повести «Хаджи-Мурат» содержит анализ специфики речи горских персонажей, но не с точки зрения лингвистики и этимологии, а как материал, в котором выражено мироощущение горцев, их быт и психология.

Речь горцев в повести «Хаджи-Мурат» насыщена афоризмами, поговорками, благопожеланиями, поговорками. Хаджи-Мурат, приветствуя хозяйку сакли, встречающую его, говорит: «Сыновья твои да чтобы живы были». За этим сердечным пожеланием скрывается целый пласт горской этикетной культуры, в которой именно мужскому началу приписывалась особая жизненная энергия и сила. В благопожеланиях горцев друг другу выражается устойчивая вера горцев в магическую силу слова. Эта традиция живуча и сохраняется по сей день.

Немаловажное значение в речи горцев имеют сравнения. Характеризуя Умма-хана, Хаджи-Мурат говорит: «Он был телом сильный, как бык, и храбрый, как лев, а душой слабый, как вода». В этой емкой фразе обозначаются некоторые ментальные представления горцев о человеке, где на первое место выдвигаются сила духа и храбрость, а физическая сила же ассоциируется с быком, который в восточной мифологии является священным животным, вода же в горском сознании символизирует мягкость, податливость и выступает в роли «женского начала».

В сравнении Хаджи-Мурата «аул небольшой, с ослиную голову, как у нас говорят в горах» отражается местный колорит. На противопоставлении персонажей горского фольклора – зайца и орла – построена фраза старика горца, сказанная Хаджи-Мурату: «Только и нового, что все зайцы совещаются, как им орлов прогнать». Подобная бинарная оппозиция свойственна горскому фольклору. Орел в горском сознании олицетворяет гордость и смелость, ее особенные ипостаси – любовь к свободе, нестигаемость. В речи горцев зачастую используются не рациональные аргументы, а образные, поэтические. Так, Хаджи-Мурат, выражая мысль о недопустимости насильственного навязывания чужих обычаев, употребляет поговорку «Угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном – оба голодные остались», а оба персонажа (собака и осел) неперенные атрибуты горского быта.

В речи Хаджи-Мурата и других горцев доминируют выражения, насыщенные зооморфными образами (лев, орел, бык, осел и т.д.), на первый взгляд лишённые национального колорита, а на самом деле универсальными реалиями, вошедшими в плоть и кровь горцев, они несут смысловую нагрузку не сами по себе, а в соединении с другими понятиями из горской жизни. В горской традиции зооморфным именам людей придается сакральный смысл.

Пословицы, поговорки, фразеологизмы, благопожелания в речи горцев в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» служат своеобразным культурным кодом, средством моделирования мира. Они тесно связаны с бытом, психологией, нравственными и магическими представлениями горцев.

В третьем разделе «Невербальные средства общения как способ изображения горского менталитета в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» анализируется роль мимики, жестов, интонации, молчания и т.д. в раскрытии внутреннего мира горцев. При анализе душевной жизни персонажей надо учесть, что невербальные средства общения - это не просто механические движения рук, глаз, лица, а органические выразители глубинных подсознательных процессов, происходящих в душе человека и зачастую не осознаваемых им самим. Многие из них характеризуют специфику поведения и психические особенности человека определенной культуры и национальности. Например, поклон и приложение рук к груди специфичны и распространены в невербальном общении людей Востока. Этот жест широко используется Толстым в повести «Хаджи-Мурат»: «Хаджи-Мурат внимательно посмотрел в его блестящие глаза и, поняв, что это была правда, несколько торжественно сказал:

- Да получишь ты радость и жизнь. Садо молча прижал руку к груди в знак благодарности за доброе слово»². Здесь важен не только сам жест, но и «разговор глаз». В философско-эстетической концепции Толстого понятие «сердце» занимает важное место, оно источник любви и духовный центр личности, сердце не может обмануть.

Общение на уровне сердца сближает Хаджи-Мурата и Марию Дмитриевну, Садо и Хаджи-Мурата, русского солдата Авдеева и горцев, поэтому резко усиливается значение спонтанных жестов. Толстой в своей повести использует замечательную психологическую деталь – улыбку. Улыбка Хаджи-Мурата «поражает детским простодушием». Эта деталь как художественно-эстетическое средство служит универсальной формой общения между горцами и русскими, создавая между ними невидимую духовную связь.

Часто в повести Толстого встречается приложение рук к груди. Горцы прибегают к нему в различных ситуациях, модификация его различна.

Большое значение придается писателем и взгляду, цвету блеску глаз. Основные эпитеты в этом контексте – «блестящие глаза», связываемые с богатством эмоционального мира персонажей. Разговор глаз не менее важен, чем разговор сердца. Определенное значение при изображении горцев Толстой придает и такой форме невербального общения, как молчанию. Молчание может красноречиво говорить, в повести «Хаджи-Мурат» оно многозначно и многофункционально. Оно в горском поведении выражает жизненную мудрость и верность этикету (эпизод первой встречи Хаджи-Мурата с имамом Шамилем во время столкновения с Гам-

² Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22-х т. Т. 14. М.: Худож. лит., 1983. – С. 28.

затом). Мюриды Хаджи-Мурата молчат в его присутствии, что говорит о двойной мотивации в горском поведении этой формы общения: во-первых, Хаджи-Мурат – мюршид (наставник), во-вторых, он старше по возрасту.

В описание ментального поведения горцев Толстой вносит и такую художественную деталь, как строгание палочки. Жест этот, скорее всего, бессознателен, является одним из архетипов горского сознания и очень устойчив. Семантику этого символического действия определить однозначно трудно.

Четвертый раздел «Особенности горского этикета в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» направлен на выявление влияния системы норм горского этикета на поведение горцев. Горцы чрезвычайно чувствительны к соблюдению требований этикета, даже в экстремальной ситуации они стараются не нарушать их (Хаджи-Мурат и Элдар, несмотря на то, что очень голодны, лишь притрагиваются к еде, потому что в гостях много есть не полагалось). Горский этикет вырабатывался веками, он жестко регулировал многочисленные бытовые, нравственные ситуации в жизни горцев. Порой этикетные нормы горцев кажутся бессмысленными, лишёнными рационального начала. Так, Садо во время приезда Хаджи-Мурата подходит к его лошади с правой стороны, берется за правое стремя, женщины здороваются с гостями только внутри дома и т.д. Такие детали поведения горцев связаны с проксемикой (организацией пространства в общении людей). Расположение общающихся лиц в пространстве связывалось у горцев с этическими нормами: учитывались дистанция, пол, возраст, время. С этой точки зрения понятен подход Садо с правой стороны, он связан еще с магическим и мифологическим мироощущением горцев, в котором правой стороне приписывались благодать, сила, а левой – грех и наваждение. Толстой тщательно описывает институт гостеприимства горцев, играющий важную роль в горском обществе. Садо гордится, что представляется возможность защитить гостя с опасностью для собственной жизни и тем самым соблюсти этикет, выполнить свой долг. Самые неожиданные события не могут прервать цепь обязательных действий: старик, отец Садо, не торопясь обувается, сам Садо не спеша читает молитву, несмотря на внутреннее напряжение, и только потом начинает серьезный разговор.

В повести «Хаджи-Мурат» сталкиваются два этикета – европейско-русский и горский. Горцы отвергают нормы европейского этикета, особенно светские, которые совершенно противоположны понятиям горцев о приличии, добре и зле. Радикальна реакция Хаджи-Мурата по отношению

к нарядам светских женщин («у нас женщины так не одеваются»), нарочно-вызывающе ведет себя он и в театре, потому что театр для него – атрибут «ложной» жизни русских.

Сакральный характер носят у горцев рассматривание оружия и его дарение. Хаджи-Мурат, соблюдая этикет, дарит кинжал сыну Воронцова. Очень строги в повести «Хаджи-Мурат» и отношения между горцами и женщинами – горянками и русскими. Долгий разговор, кроме «дежурных приветствий», с посторонними женщинами исключался. Важные дела считались прерогативой мужчин, и поэтому Толстой рисует нетерпение Элдара, ждущего, чтобы женщины вышли в другую комнату.

В повести Толстого некоторые этикетные нормы регулируются не горским этикетом, а требованиями тариката (суфийской философии). Особенно это заметно в отношениях Хаджи-Мурата с Элдаром и другими мюридами, т.е. полное подчинение.

В поведении горцев мужчин важную роль играл воинский этикет. Хаджи-Мурат, прежде чем зайти в дом, снимает винтовку и шашку, оставив кинжал и пистолет. Элдар поступает так же. Эта незначительная, на первый взгляд, деталь говорит об исключительной наблюдательности писателя.

В систему норм горского этикета органически входят и представления горцев об эстетике одежды. Горский мужской и женский костюм сам по себе суров, как и горская душа, поэтому столь непритязателен внешний вид женщин – горянок в «Хаджи-Мурате». Нарядность допускалась только в торжественных случаях.

Реалистичен Толстой и в описании похоронного ритуала горцев. В нормах горского этикета обобщен житейский, социально-этический и эстетический опыт многих поколений кавказских горцев.

Третья глава «Художественно-эстетические средства изображения горского менталитета в русской литературе XIX века» посвящена анализу влияния идеи судьбы, фольклора и образов гор на формирование горского менталитета. Она состоит из трех разделов.

В первом разделе «Идея судьбы в ментальном сознании горцев Кавказа в изображении русской литературы XIX века» рассматривается влияние судьбоносных идей на сознание и поведение кавказских горцев в произведениях А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого.

Идея судьбы играла и играет в жизни горцев очень важную роль. В основном представления о судьбе в поведении горцев в первую очередь связываются с идеей предопределения. Эта идея очень важна для многих

древних культур (еще в эпосе о Гильгамеше рассказано о всеисильности судьбы), в первую очередь для восточной, исламской. На отрицании свободной воли человека перед могуществом Аллаха строится концепция судьбы в мире ислама. Она ярко выражена в ответе Хаджи-Мурата Бутлеру: «Убьет, значит, так аллах хочет».

Жизнь и смерть человека с рождения предначертаны на небе – таков лейтмотив исламского отношения к смерти и жизни. Этот фаталистический мотив породил в национальном характере горцев амбивалентные черты: с одной стороны, равнодушие, созерцательное отношение к жизни, пассивность, с другой стороны – духовную стойкость и мужество перед лицом тяжелых испытаний. Идея фатализма получает художественное воплощение в повести Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек». Фортуна мстит Аммалат-Беку руками младшего брата предательски убитого им Верховского. Круг судьбы завершается для него физическим и мистическим наказанием. Судьба властвует над героями повести Бестужева-Марлинского (Аммалат-Беком, Султан-Ахмет-ханом и др.), ее незримая иррациональная сила проявляется в авторских высказываниях, диалогах, монологах персонажей – фортуна ни на миг не отпускает свои жертвы из поля зрения. Рок управляет всем сущим на земле, и чем больше старается человек убежать от судьбы, тем быстрее она настигает его. Герой «Рассказа русского офицера, бывшего в плену у горцев» проявляет удивительное равнодушие к своей судьбе («что написано на небе, того не избежать на земле»). Он сам предсказывает свою судьбу: «Искандер, со мной быть худу». В данном случае веление судьбы приходит не от Аллаха, а от конкретных индивидов-кровников.

Идея судьбы получила свое художественное воплощение и в поэтическом пространстве Лермонтова. Лермонтов никогда не исключал активно-действенного начала в борьбе с судьбой. Как пишет философ В.Ф. Асмус, «сам Лермонтов и его герои – практические антифаталисты». По Лермонтову, отчасти и в самой природе горца уже скрыта его судьба, сам герой не может управлять ею: например, Измаил-Бей в гневе убивает казака.

Фаталистические идеи всегда входили в круг философских проблем, интересовавших Лермонтова, но относительно Кавказа они приобретают острый жизненный смысл, поскольку автор непосредственно столкнулся с носителями фаталистических идей – горцами.

В классическом варианте примером сопротивления судьбе является Хаджи-Мурат. Он верит в предопределение, но эта вера рациональна и контролирует его поведение лишь относительно. В героя Толстого мы

видим другую вариацию судьбы – трагедию, неизбежно вытекающую из его характера, потому он – вольная птица, которая не терпит узды, и ни на стороне Николая I, ни на стороне Шамиля ему нет места. Он знает свою судьбу («Так заключают и меня»). Не судьба выбирает Хаджи-Мурата, а сам Хаджи-Мурат судьбу. В конкретной судьбе Хаджи-Мурата предопределение исходит не от безликой внешней силы, а от нескольких факторов: во-первых, личностных представлений, во-вторых, от социально-политической ситуации. Герой Толстого совершает многие поступки по наитию, от избытка душевных сил, но во многих из них проявляется индивидуальное своеволие, которое противостоит судьбе.

Горские персонажи, несмотря на безлично-фатальные иррациональные угрозы судьбы, сохраняют жизненную активность, но власть рока тяготеет над ними. Субъектом ответственности становятся не боги, а люди. Каждый из кавказских персонажей русской литературы несет в себе часть вины -(Хаджи-Мурат – за авантюризм, Аммалат-Бек – за предательство, Хаджи-Абрек – за одержимость кровной мстостью, Азамат – за полное пренебрежение к горским законам), и в какой-то степени приговор судьбы – это логика их жизненного поведения.

В изображении русских поэтов и писателей XIX века горское видение судьбы многоаспектно, но в нем доминирует все же безлично-фаталистическое начало, и этот консервативный феномен горского сознания продолжает оказывать большое воздействие на поведение горцев и сейчас.

Второй раздел «Горский фольклор как средство изображения мироощущения горцев в русской литературе XIX века» содержит анализ влияния фольклорно-мифологических образов на духовный мир кавказских горцев.

Над многими кавказскими персонажами русской литературы XIX века тяготеет власть традиционно-народных представлений, дух архаической мифологии и фольклора. В целях художественного познания социальных и психологических особенностей жизни горцев русские поэты и писатели XIX века часто прибегают к песням, преданиям и легендам из жизни народов Кавказа. Так, А.А. Шишков в поэме «Дагестанская узница» попытался использовать историко-художественные возможности предания для изображения обычаев, психологии кавказцев. Написанная в типичном сентиментально-экзотическом ключе «Дагестанская узница» тем не менее дает интересный материал для изучения традиционных мотивов поведения горцев (кастово-тухумные представления и личностные решения горцев, запреты, власть адатов над горцами и так далее). К сю-

жетам из горского фольклора прибегает и Лермонтов. В поэме «Беглец» с подзаголовком «горская легенда» опозитизирован рыцарский кодекс чести горцев и вынесен приговор послушнику неписаных законов гор. Каждый из горцев поэмы Лермонтова совершает поступок – символ, то есть как должно, однако поступки горцев вытекают из моральной несвободы (мать отвергает труса – сына, как полагалось, горцы тоже не хоронят трусов).

В самый напряженный момент существования горцы самовыражаются в песне. В повести Бестужева–Марлинского перед набегом звучит горская фольклорная песня, в которой Герой песни стремится преодолеть смерть и победить две стихии – небо и землю. Мотив преодоления смерти свойствен многим горским фольклорным песням.

«Высохнет земля на могиле моей» – любимая песня Хаджи-Мурата, она покоряет нас рыцарско-воинской энергетикой бранной жизни. В экстремальной ситуации, в которой оказался Хаджи-Мурат, мотив обладания, распространенный в фольклоре (имеется в виду духовное господство персонажа над объектом) играет важную роль в его мироощущении, ибо во второй части песни лирический герой господствует сразу над тремя ипостасями, атрибутами народных представлений – сырой землей, смертью, пулей. Эти представления имели сильное влияние на духовный мир горцев, формируя тип рыцаря – воина согласно народному идеалу, поэтому выбор этой песни для характеристики горского мироощущения Толстым очень удачен. В разных трагических ситуациях духовной опорой Хаджи-Мурата являются не исламские идеи и образы, а устное народное творчество горцев. Могучую власть над душой Хаджи-Мурата и других горцев имеют фольклорные архетипы поведения, мифопоэтический мир его народа. Личная жизнь его протекает в повести как бы в двух художественно-функциональных уровнях – в проблемах его личного существования, связанного с семьей и переходом к русским, и зеркальным отражением этих перипетий в фольклорных песнях (в опосредованной форме), играющих ключевую роль в его активном жизненном поведении. Каждый переломный момент в жизни Хаджи-Мурата сопровождается его духовным переключением на судьбу фольклорного персонажа (сокол, Гамзат). В фольклорных песнях горцев в повести «Хаджи-Мурат» важное место занимают образы птиц, которые как универсальные мифологические символы сопровождают персонажей (особенно сокол и орел). Особую роль в повести играют детские воспоминания Хаджи-Мурата, которые тесно связаны с фольклорной песней, сложенной его матерью.

Горский фольклор, использованный как художественно-эстетическое средство в произведениях русских поэтов и писателей XIX века,

обширен и широк по жанровому своеобразие и диапазону – легенда («Беглец» М.Ю. Лермонтова), предание («Дагестанская узница» А.А. Шишкова), сказка (тавлинская сказка о Соколе Л.Н. Толстого), исторические и лирические песни («Аммалат–Бек» А.А.Бестужева–Марлинского, «Хаджи-Мурат» Л.Н.Толстого).

Определенную роль в формировании горского менталитета играют сказки. Они используются русскими поэтами и писателями для раскрытия глубины народного духа горцев. Например, Л.Н. Толстой в повести «Хаджи-Мурат» прибегает к моральным и поэтическим возможностям тавлинской сказки о соколе, чтобы передать читателю поэтическую и гордую натуру Хаджи-Мурата. Ментальная горская идея героической смерти всемерно поощрялась и увековечивалась в материальных и духовных формах: могильные камни героев поощрялись особыми надписями, а сами герои воспевались в лирических и исторических песнях народа в так называемых фольклорных «смертных песнях», то есть песнях, распеваемых горцами в экстремальных условиях, перед смертью. Их используют в своих произведениях Бестужев–Марлинский, Толстой. «Смертные песни» пленили русских писателей своей первозданной чистотой, трогательным лиризмом и духовной силой.

В трагический для себя момент герой Толстого Хаджи-Мурат идентифицирует себя с героем фольклорной «смертной песни» о Гамзате, до последнего сражающего с врагом («что же будем биться, как Гамзат»). Этнограф А.А. Ипполитов пишет, что эта песня вызывала слезы у горцев, которые слушали ее.

К «смертным песням» по своему поэтическому содержанию можно отнести и горскую песню «Высохнет земля на могиле моей».

Третий раздел «Горы и родной дом как символы духовного существования горцев в творчестве А.А. Бестужева–Марлинского, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого» направлен на выявление роли гор и дома на формирование горского менталитета. Менталитет развивается в реальном географическом пространстве, конкретный ландшафт формирует определенные черты характера. Как бесконечная степь для русской души символизирует ее широкость и необъятность, так и горы в русской литературы XIX века – не только физическое пространство, но и символ суровости, непреклонности, свободолюбия кавказских горцев. Начиная с Пушкина, в русской литературе XIX века важное значение придается описанию красоты и величия гор. Русские писатели и поэты верно почувствовали, что горы – душа ее жителей. Картины гор неотразимо влияют на русских, впервые увидевших их. Так, для Оленина, главного героя по-

вести Толстого «Казак», горы являются символом духовного восхождения и нравственного очищения. Перводанное ощущение величия гор испытывали все русские поэты и писатели, приезжавшие на Кавказ. Горы для кавказцев – один из главных архетипов их существования. В горском фольклоре герои в последнюю минуту обращаются к горам как к покровителям и духовной опоре. Несокрушимая крепость гор переносится на их обитателей (разве ты не горец?), формируя непокорность, силу духа и стойкость. Почти все крупные произведения кавказского цикла начинаются с горных пейзажей («Аммалат–Бек», «Мулла–Нур» Бестужева–Марлинского, «Кавказский пленник», «Измаил–Бей», «Хаджи–Абрек» Лермонтова, да и в начале повести Толстого «Хаджи–Мурат» после картины непокорного репейника дается описание горного пейзажа). Распространенные атрибуты горного пейзажа в произведениях русских поэтов и писателей – это недоступность, высота и величавая красота.

В кавказской жизни горы становятся моделью мира, духовной первоосновой и одним из ключевых составляющих горского менталитета. Горы – последний физический и моральный оплот для тех, кто отвержен обществом и своей судьбой (Аммалат–Бек, Мулла–Нур, Азамат, Казбич скитаются в горах).

У народов Кавказа горы сакрализуются, превращаются в объект поклонения. Этот ритуальный мотив использован Бестужевым – Марлинским в повести «Мулла–Нур», в которой Искандер–бек отправляется по просьбе жителей просить дождя у священной горы. В повести Толстого «Хаджи–Мурат» пейзаж выполняет функциональную роль. Особенно впечатлительна пейзажная увертюра, когда Хаджи–Мурат въезжает в аул Махкет, – это изображение естественной и нравственной чистоты гор и их жителей, мирной картины жизни, символизирующей божественный смысл творения и существования.

Горы для посторонних чужды и неприступны, они, как лестница, восходящая на небо, поднимаются все выше и выше – таково видение гор русским офицером Жилиным из рассказа Л.Н.Толстого «Кавказский пленник».

Перестав быть обыкновенным местопребыванием, горы для ее жителей превратились в некую духовную субстанцию, пантеистический абсолют существования, предмет гордости и поклонения.

«Ламорой – горец. В горах–то и живут орлы», – отвечает Гамзало в «Хаджи–Мурате» в споре с другим горцем Хан–Магомой.

Мифологема горы в мифопоэтическом сознании горцев связана с символикой подъема, лестницы, восхождения вверх, которого можно

достичь человеку, сделавшему усилия над собой и преодолевшему многие препятствия по пути к цели. Мотив «преодоления горы», широко встречающийся в горском фольклоре и изображенный в русской литературе XIX века, имел определенное нравственное влияние на поведение горцев: он означал – победить себя и показать силу духа.

Если горы являются естественной архитектурой, внутри которой размеренно протекает горская жизнь, то в самой горской архитектуре (горском доме) ясно видны влияние форм гор. Горские дома как бы продолжение горных очертаний, в них явно обозначается горская душа, ее мечты и устремления. Язык камня говорит о многом. Горский дом внешне суров, как и сам горец и горы, он стремится к замкнутым формам пространства, лишен монументальности, он похож на маленькую крепость.

В горской архитектуре отсутствует пышность внешних форм и интерьера. Толстой, прекрасно знавший жизнь и быт горцев, передает в «Кавказском пленнике» и «Хаджи-Мурате» суровость и незатейливость горской сакли, главными атрибутами которой являются ковры и оружие. Горские дома, схожие с пчелиными сотами, выражают не только близость к особенностям ландшафта, но и естественность горского бытия. Оторванность от дома грозит горским персонажам жизненной катастрофой: стоило Хаджи-Мурату отдалиться от родного дома и гор, как ему слышится «вой и хохот шакалов».

В Заключение обобщаются результаты исследования, отмечаются особенности изображения кавказского горского менталитета в русской литературе XIX века, анализируется важная роль религии, фольклорных образов, представлений о судьбе, норм этикета, ландшафта и кровной мести в формировании менталитета горцев. Их комплексное рассмотрение позволяет нам иметь полное представление о духовном мире горцев.

Автор работы развенчивает различные художественно-исторические мифы о горцах, отраженные в произведениях русских поэтов и писателей XIX века, сравнивает в историко-литературном и мифопоэтическом контексте два менталитета – русский и горский. В исследовании главное внимание обращается на анализ особенностей изображения горца в творчестве Л.Н. Толстого, особенно в повести «Хаджи-Мурат», в которой наиболее ярко, глубоко и правдиво изображен духовный мир горцев как мир полный противоречий и лишенный малейшей тени экзотики и романтики.

Перспектива работы представляется в исследовании многогранной и сложной проблемы горского менталитета в изображении русских писателей XX века и других писателей народов России.

***Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях автора:***

I. Статья, опубликованная в журнале, рекомендованном ВАК РФ:

1. Невербальные средства общения как способ изображения горского менталитета в повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат». // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ. №3 Ростов-на-Дону: 2008. С. 79-83. (0,32 п.л.)

II. Монографии:

2. Художественно-эстетические средства изображения горского менталитета в русской литературе XIX века. Махачкала, ДГПУ, 2007 г. 48 с. (2,3 п.л.)
3. Горский менталитет в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Махачкала, ДГПУ, 2009 г. 58 с. (3,3 п.л.)

III. Статьи, опубликованные в других изданиях:

4. Идея судьбы в сознании горцев Кавказа в изображении русских писателей XIX века // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. № 1. Махачкала, 2008. С. 96-99. (0,23 п.л.)
5. «Смертные песни» горцев Северного Кавказа в историко-литературном контексте. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. № 2. Махачкала, 2008. С. 100-103. (0,18 п.л.)
6. Речевые особенности горцев в повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» как средство выражения горского менталитета. // Актуальные проблемы современного литературоведения. Сборник научных статей. Махачкала: ДГПУ, 2008. С. 23-29. (0,41 п.л.)
7. Фольклорные песни горцев в повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» как средство изображения горского мироощущения. Лев Толстой и Кавказ в контексте диалога культур и времен. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 27-29 октября 2008 года. Махачкала: ДГПУ, 2008. С. 40-43. (0,23 п.л.)

10-

Подписано в печать 28.09.2009 г.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. п. л. 1,25. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
Тел.: +7-928-264-88-64, +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164